

13. Запоўніце табліцу “Нацыянальныя стравы з бульбы”. Запішыце назвы прыведзеных страў па-кітайску. Якія спосабы перакладу вы выкарыстоўвалі?

Беларускія стравы	Кітайскія стравы

14. У адкрытых крыніцах знайдзіце наступную інфармацыю:

- Якая краіна з’яўляецца найбуйнейшым экспарцёрам бульбы?
- Якая краіна спажывае найбольш бульбы?
- Колькі бульбы штогод спажывае насельніцтва Кітая і Беларусі?

15. Падрыхтуйце прэзентацыю, у якой параўнайце беларускія і нацыянальныя кітайскія стравы з бульбы.

Як мы бачым з прыведзеных заданняў, для семантызацыі лексікі выкарыстоўваюцца розныя спосабы, што суправаджаецца разнастайнымі моўнымі і камунікатыўнымі практыкаваннямі. Першыя служаць для засваення лексікі, другія – для распазнавання і прадудцыравання маўлення. Характар заданняў адпавядае вызначаным стандартам бліжэйшым і перспектыўным мэтам назапашвання лексікі як асновы для развіцця маўлення студэнтаў. Тэксты ўтрымліваюць каштоўную лінгвакраіназнаўчую інфармацыю і спрыяюць мэтанакіраванаму фарміраванню лексічнай кампетэнцыі студэнтаў на ўсіх этапах навучэння беларускай мове як замежнай.

Бібліяграфічны спіс

1. Тэарэтыка-метадычныя асновы навучання беларускай мове кітайскіх студэнтаў / Г. М. Валочка [і інш.]. – Мінск : Нацыянальны інстытут адукацыі. 2021. – 264 с.

ДИАЛОГ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ¹

И. А. Швед (Хэфэй, Китай)

Современный период, как известно, ознаменовался осознанием острой необходимости преодоления разобщенности (в первую очередь, культурной и социально-политической) различных народов, а также поисками единой для всего мирового сообщества концепции мирного сосуществования и развития, которая предполагает формирование системы социоприродного единства, в которой социальные группы и природная среда находились бы в оптимальном соответствии друг другу. Определяющим фактором в достижении этих целей является обеспечение эффективности межкультурных коммуникаций, от успешности реализации которых впервые в истории человечества напрямую зависит само его существование.

В рамках рассматриваемой темы важно напомнить, что в реальности межкультурные коммуникации варьируют от ярко выраженной асимметричности до относительной симметричности, от принуждения (директивной трансляции информационного сообщения, например в некоторых моделях массовой пропаганды) до равноправного продуктивного диалога. В нем

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Повествовательный женский дискурс в контексте фольклорной традиции Брестчины» задания ГПНИ на 2021–2025 годы «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства (№ госрегистрации 20211451) при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь.

процесс информационного обмена выполняет креативную функцию и определяет появление нового содержания, в той либо иной степени понятного для каждой из культур-коммуникантов – самоценных субъектов – и обеспечивающего единение и вместе с тем сохранение самобытности коммуникантов.

Знание основ и ценностей как собственной этнокультуры, так и культуры коммуниканта обеспечивает адекватное взаимодействие представителей различных культур, ведение полноценного диалога. Этнокультурные ценности, умения и навыки ведения эффективного и толерантного межкультурного диалога, который к тому же является источником взаимного обогащения культур, выступают важнейшими аспектами (меж)культурной компетентности коммуникантов. Общим местом в литературе вопроса стало утверждение важности формирования этнокультурной компетентности детей [4; 5], использования различных видов и жанров фольклора как средства обучения общению в межкультурной ситуации, что в свою очередь предполагает владение коммуникантами соответствующими семиотическими кодами-ключами, различающимися в различных культурах.

Необходимо подчеркнуть, что некоторые элементы традиционных культур могут стать своеобразными 1) образцами и 2) источниками и средствами ведения межкультурных диалогов в аспекте использования, в первом случае, их мировоззренческих конструкций (идей, понятий, представлений, верований (которые, среди прочего, были «наукой социального контроля»)), а во втором – культурных кодов, значимых для культур-коммуникантов. На современной стадии познания и освоения мира представители разных культур снова приходят к идее оптимального использования духовных человеческих ресурсов и пониманию своего единства с природой (конечно, современная ситуация отличается высоким уровнем развития научных знаний о природных и социальных явлениях). В плане обеспечения как своей биосферосовместимости, так и успешности реализации межкультурных диалогов, основанных на доверии, уважении, взаимопомощи, этнической и других видах толерантности полезными могут стать некоторые уходящие корнями в древность мировоззренческие конструкции традиционной культуры, способы установления и регулирования отношений между «своим и чужим», «мною и Другим», человеческим и не-человеческим (природно-космическим, сакральным).

Есть все основания утверждать, что эти древние конструкции базировались на принципе универсальной взаимосвязи и взаимовлияния различных явлений мира. Думается, что современная ситуация, в первую очередь социально-экологическая, требует обращения к данному диалектическому принципу. Ведь не только малые социальные группы, но и общество (вплоть до глобальных масштабов) и природная среда находятся в состоянии взаимного влияния и изменения. Нам может показаться сегодня странным – но это «современное открытие» не было открытием для наших предков, которые по-иному (в сравнении с нами), эмпатично, относились к окружающему Миру. Как отметили известные исследователи первобытного мышления Г. и Г.А. Франкфорты, для современного человека мир явлений есть в первую очередь «Оно», для древнего и примитивного человека – он есть «Ты». При этом отношение между «Я» и «Ты» – это не отношение между субъектом и объектом, а отношение, которое возникает, когда я «понимаю» другое живое существо [1, с. 25–27]. «Ты» может представлять собой загадку и вызывать интерес, смешанный с опасением (вспомним детально разработанные институты гостеприимства, дарообмена, восприятие чужого как чудесного (чудесное=чужое) и под.). Но «Ты» не только созерцаемо или понимаемо, но и эмоционально переживаемо в динамических двусторонних взаимоотношениях [1; 2; 3].

Как свидетельствуют фиксируемые по сей день фольклорно-этнографические материалы (в частности, на Полесье), носители традиции продолжают говорить не столько о мире, сколько с Миром. Согласно проведенным на разнообразном материале исследованиям (см., например, [1; 2; 3 и др.]), «соприродный» человек традиционной культуры видел мир наполненным жизнью, которая проявляется в лицах (!), не проводил непроходимой границы между

человеком и животным, обществом и природой, ритуально «перевплощался» в ее представителей, лицом к лицу вступал в отношения с природными объектами (которых наделял одинаковой с собой внутренней, психической, моральной, социальной природой и соответственно воспринимал в качестве субъектов). Эти субъекты, в частности животные и растения, имели право голоса (в прямом смысле), причем этот голос мог быть определяющим в отношении человеческого партнера по коммуникации. Представители природного мира относились к тому же уровню бытия, что и люди, либо даже к более высокому. Отношения носителей традиции с Другим, между людьми и не-людьми характеризуются взаимовлиянием, соучастием, взаимопомощью, и вызванный любыми причинами разрыв уз солидарности грозит человеку серьезными проблемами, вплоть до глобальной катастрофы. Соответственно, встреча человека традиционной культуры с миром моделировалась, как бы мы сказали сегодня, на эколого-эмпатических началах с учетом перспективы Другого – наделенного сознанием (со всеми вытекающими отсюда последствиями) партнера по коммуникации, которая, в свою очередь, имела форму равноправного диалога, обычно ритуализированного.

Живой диалог человека с растением, животным, на которых он воздействовал, поиск компромиссов в отношениях с таким Другим не утратил свою актуальность и тогда, когда жизненно-практические потребности человека в сохранении своего вида вынудили его опредмечивать «окружающие субъекты». Но и это не низвело представителей природного окружения до положения вещей, перед которыми не стоит извиняться за причиняемое беспокойство и благодарить за полезный эффект. Реплики такого «эколого-эмпатического» диалога человека с представителями природно-космического мира актуализируются вплоть до начала XXI века. Так, жительницы Полесья, выходя из леса, благодарят его за то, что одарил их ягодами, грибами, целебными травами; по моим наблюдениям, остаются ритуализированными и вход в лес, поведение в нем.

О нерелевантности для сознания человека традиционной культуры резкого противопоставления сфер общества и природы, человеческого и природного свидетельствуют многие антропогонические и зоогонические легенды. Согласно последним, различные животные и птицы (медведь, кукушка, аист, соловей, сокол, жаба, обезьяна и др.) – это «одичавшие» люди, которые утратив маркеры культурного, приобрели (или восстановили) атрибуты звериного. В такие «этиологические» дискурсы об «отчеловеческих» животных часто встраиваются объяснительные модели, почему им нельзя причинять вред, с характерной концовкой-сентенцией типа: «[А] нельзя его [аиста] забивать – ён з чалавека!». Согласно антропогоническим легендам, часть которых в определенном смысле коррелирует с современными представлениями о человеке как результате эволюции биосферы, первые люди имели выразительные маркеры животного – шерсть, роговицу, копыта. Когда Адам и Ева совершили грехопадение, шерсть с них опала (осталась только там, где люди успели прикрыться руками), а от «рогового» тела сохранились только ногти на руках и ногах. Бог в наказание (!) человеку превратил защищающее его «роговое», твердое (т.е. животное) тело в мягкое (человеческое).

Считали также, что благодаря птицам, животным, растениям, стихиям человек (целые человеческие коллективы) появляется на свет, и эта связь не разрывается, определяя дальнейшую жизнедеятельность человека (и его группы) вплоть до перехода живого человека в мир иной. В этом плане интересны полесские представления о животных как:

1) «добытках», переносчиках детей из мира природно-космического в мир человеческий (см., например, клишированный ответ детям на вопрос о том, откуда они появились: аист принес и бросил в «комин»);

2) «материале» либо «сосуде» для творения / появления человека (как, например, в легенде о появлении женщины из хвоста собаки);

3) «причине» беременности женщины (укусы пчелы, змеи), биологических «родителей» (ср. клише «овца котила, тетка подхватила»; образ сказочного богатыря, которого женщина зачала от медведя);

4) патронах младенцев (вспомним мышь, которая «мстит» обидчику беременной женщины и которой отдается первый зубик ребенка);

5) воплощениях (форме, субстанции) человеческих душ, природных ипостасях младенцев, которым предстоит появиться на свет, предвестниках рождения детей (например, согласно прогностическим текстам, увиденная женщиной во сне рыба, свидетельствует о беременности (возможна конкретизация: окунь (с мужской семантикой) – родится мальчик, щука (с женской семантикой) – девочка); в волшебных сказках царевна съедает рыбу и беременеет; в поверьях, сказочной прозе частотен образ птицы-души; котята могут трактоваться как души загубленных во чреве матери младенцев и т. д.) [2].

Животные – потусторонние прорицатели, имеющее непосредственное отношение к появлению человека на этом свете и уходу из него, не просто располагают информацией об изменениях в судьбе индивида и всего коллектива, но вступая в диалог с людьми, предостерегают и вразумляют их (кукушка, воплощая душу умершего человека, предвещает рождение ребенка; эта же порвавшая связь с детьми птица «информирует» «человеческих» родителей («обгадив» их) о том, что они будут брошены повзрослевшими детьми. Воробей приносит весть о предстоящей беде (точнее, саму беду), и с целью ее предотвращения к птице-медиатору обращаются с просьбой унести горе из человеческого мира в не-человеческий – за дальние горы.

Сам человеческий младенец – это исходно природное существо, зверюшка (как в загадке: «Што за звярочак: па хаце ходзе, // Ніхто яму не шкодзе?»), которую в процессе родинно-крестильной обрядности только будут пытаться «доделать/переделать в человека». Но, несмотря на целый комплекс ритуалов «очеловечивания», эта исходно животная сущность человека остается неистребимой. При определенных обстоятельствах она проступает из-под человеческой личины в виде хвоста, рогов, птичьих лап, копыт, густого волосяного покрова, вырывается наружу звериными и птичьими голосами (ср. звуки – лай, кукареканье, вытье волком, издаваемые «кликушами»). Смерть, несмотря на все, более или менее успешные, акции человеческого коллектива по «очеловечиванию», окультуриванию подаренного ему природой ребенка, возвращает его в природно-космическое лоно, причем в его же – природно-космических, формах – животных, растений, блуждающих огоньков, звезд. В связи с рассматриваемой темой важно подчеркнуть, что диалог живых со слившимися с природно-космическим миром умершими не прекращается, и ведется он с использованием не только вербального, но и иных кодов. Чаще всего такой диалог находится в центре нарративов о соответствующих сновидениях.

В диалог с представителями природно-космического, сакрального мира человек вступает в различных кризисных, лиминальных ситуациях с целью успешного выхода из них. Такие ритуальные практики в живом бытовании дожили до наших дней и нарративизируются многими нашими собеседниками. Так, Нина Кирилловна Шевченя 1948 г.р. из д. Повитье Кобринского района делится собственным опытом: «А детей малых, когда не спали ночью, то и сама носила. Малого берешь – и в курятник, где куры сидят, насест на этот, когда уже солнышко спряталось. Три раза подставляешь за дверь – и снова, когда маленькие плачут дети. Помогало» (ФА). Природно-космический мир по-своему реагирует на различные жизненные ситуации человека, которые носят «переходный» характер. Например, считают, что, если во время похорон, включенных (как и рождение, свадьба) традиционным сознанием в макрокосмическую сферу, идет дождь, то это значит, что умерший не хочет прощаться с этим миром, т. е. он «плачет дождем» (если поднимается сильный ветер, налетают вихрь, вьюга, т. е. бушуют стихии, покойный при жизни много нагрешил, «знался» с нечистой силой); яркий свет солнца либо «падение» звезды также прочитываются как судьбоносные для человека сообщения (например, «на погребение, когда кого-то хоронили в дождь – говорили, что человек не хотел прощаться с этим миром. Солнечный день – хорошо ушел, все сделал, не жалел о смерти. На свадьбу, говорят, что хорошо, когда проходит именно в этот [солнечный] день» (ФА; зап. от

Базан Валентины Ивановны 1977 г.р., д. Достоево Брестского р-на)). По сей день верят, что влетевшая в окно птица приносит человеку новость (о скором прибытии гостей, получении письма, любом из жизненных «переходов»: рождении ребенка или уходе – выходе замуж, переходе в иной мир) либо непосредственно смерть (орнитоморфная душа умершего прилетает за своим родственником). Примером сказанному может быть следующее повествование: «Пару недель назад похоронила отца. Это было, значит, восьмого числа, здесь на работе. У нас было мероприятие, приходила матушка Татьяна. Когда закончилось, я открыла окно – и влетел голубь. Отец болел давно, уже говорили, что будет уходить... Влетел голубь, и я уже сообразила... Есть же примета, если влетает любая птица – это к смерти. Вот ложусь спать и в час ночи звонит брат, говорит: “Отца нет”. Я ответила, что уже знала, была, так сказать, готова. Мы все уже жили с этим...» (ФА; зап. от Базан Валентины Ивановны 1977 г.р., д. Достоево Брестского р-на). Вселение в новый дом по сей день предполагает запускание в него сначала кота: «Когда входили [первый раз в дом], да... высвящали, пускали котенка или кошечку. Потом вносили хлеб-соль, моя крестная, помню, строилась – было очень интересно...» (ФА; зап. от Концевой Софии Николаевны 1941 г.р., д. Ковердяки Брестского р-на).

Рассмотренная характерная для традиционной культуры коммуникация человека с наделенным волей, интенциями Другим носит выразительный межличностный характер, что превращает всех без исключения ее участников-партнеров в единую самоорганизующуюся систему, в рамках которой каждое действие одного из них воздействует на состояние или поведение другого. В результате любой вид человеческой деятельности в отношении как человеческого, так и не-человеческого Другого оказывается в традиционной культуре рефлексивным, а само общество эмпатичным и биосферосовместимым [2; 3]. Не только сказанное, но и сделанное и даже помысленное человеком может прочитаться представителями не-человеческого мира как информация. И поздно либо рано человек получит ответ от них, и этот последний далеко не всегда будет представлен вербально. Даже в современной культуре (которая вполне может трактоваться как символическая деятельность) существенная часть обмена информацией осуществляется в невербальных формах, с использованием различных сигналов, предметов. Традиционные же культуры активно использовали подручные (в прямом и переносном смысле) средства, предметы окружающего микро- и макромира в качестве знаков, элементов определенных кодов, посредством которых и осуществлялся диалог с Другим. Такая коммуникация предполагает использование различных кодов, например, акционального, предметного, персонажного, субстанционального, пространственного и других. Элементы таких кодов лишь на первый взгляд могут казаться универсальными (даже такие, как семиотизированные солнце, луна, звезды, ветер, вода, дерево, пространственные оппозиции «верх – низ», круг, крест и под.) и доступными для «адекватного прочтения» носителями различных этнокультур, да и в одной культуре они имеют довольно широкий спектр значений. Еще больше трудностей возникает при интерпретации представителем иной культуры художественных текстов и их кодов, что актуализирует научную проблему всестороннего исследования целого веера культурно-коммуникативных аспектов их рецепции.

В заключение также отмечу, что сегодня, вместе с отчетливым осознанием включенности всего человечества (его жизнедеятельности) в биосферу, необходимостью выработки единой для всего мирового сообщества концепции мирного сосуществования и устойчивого развития актуальным является толерантный диалогический подход к проблемам и межкультурных коммуникаций, и взаимодействия общества и природы, прецедент успешной реализации которого имеется в традициях различных этнокультур, в частности, в позитивных формах освоения мира носителями полесской традиционной культуры.

Сокращения

ФА – Фольклорно-этнографический архив лаборатории «Фольклористика и краеведение» БрГУ имени А.С. Пушкина

Библиографический список

1. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт [и др.] ; пер. с англ. Т. Н. Толстой. – М. : Наука, 1984. – 236 с.
2. Швед, И. А. Об архаической модели «Люди–птицы» в белорусском фольклоре / И. А. Швед // Вучоныя зап. БрДзУ імя А.С. Пушкіна. Ч. 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі. – 2013. – Вып. 9. – С. 250–258.
3. Новик, Е. С. Архаические верования в свете межличностной коммуникации / Е. С. Новик // Историко-этнографические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Сергея Александровича Токарева. – М. : Восточная литература, 1994. – С. 110–163.
4. Формирование межэтнической толерантности личности обучающихся в воспитательной среде образовательных учреждений: методические рекомендации [Электронный ресурс] // Департамент образования и науки ХМАО–Югры. – Режим доступа: doimr.admmegion.ru/activities/counter-extremism/378/. – Дата доступа: 02.09.2023.
5. Абдулаева, М. И. Формы выражения этнокультуры : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / М. И. Абдулаева ; Дагест. гос. ун-т. – Махачкала, 2007. – 18 с.

МИР ХУДОЖНИКА В ФИЛОСОФИИ СОМЕРСЕТА МОЭМА

В. М. Шелез (Минск, Беларусь)

Многие литературоведы отмечали важность феномена литературы «конца века», отражающей нарастание кризисных явлений и противоречий в социуме, разочарование в прежней скомпрометировавшей себя системе жизни, как социально-политической, так и философско-эстетической, и поиск новых возможностей и решений. Первую половину XX века принято считать эпохой кризиса – социального, нравственного, духовного. Но именно в период кризисов человечество особенно остро ощущает свое неблагополучие, начинает задумываться над смыслом жизни и усиленно искать ответы на серьезные вопросы бытия [10].

В начале XX века под влиянием различных философских идей Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, К. Юнга, А. Бергсона и других происходит формирование новых эстетических концепций. Характерными чертами новой эпохи стал интерес к проблемам самосознания художника, природе творческого акта, закономерностям восприятия искусства, а также к использованию междисциплинарных способов познания, способных выявить и интерпретировать связи между творениями архитектуры, музыки, изобразительного искусства, театра, кинематографа. Именно поэтому тема искусства и художника актуализируется в литературных произведениях [9].

В английской литературе тема искусства и художника интерпретируется в основном в социально-этическом аспекте: взаимоотношения творческой личности и общества, отношение к творцу, степень его конформизма и адаптации в социуме, попытка отстоять индивидуальную позицию, драматизм его судьбы. В конце XIX – начале XX века главным героем романа о художнике становятся люди искусства – литераторы, актеры, архитекторы, живописцы, которые встречаются на страницах произведений О. Уайльда, Дж. Голсуорси, Р. Киплинга и других [9].

Свой вклад в развитие представлений о взаимодействии людей искусства и общества внес С. Моэм. На разработку этой темы в творчестве Моэма существенное влияние оказали труды таких выдающихся мыслителей, как Б. Спинозы, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона и З. Фрейда, идеи которых составили основу для философских и творческих поисков писателя [9].

Биография Моэма заслуживает внимания не меньше, чем любое из его произведений. Раннее сиротство, путешествия, работа в особом отделе министерства иностранных дел,